

Е. Л. Сараева

«Веховская» концепция русской интеллигенции

В статье анализируются идеи русских мыслителей, авторов сборника «Вехи», об историческом призвании русской интеллигенции, ее философской, религиозной, правовой, нравственной культуре.

Ключевые слова: Россия, история, интеллигенция, «Вехи», Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк.

E. L. Saraeva

"Vekhi" Concept of Russian Intellegentsia

In the article ideas of Russian thinkers, authors of the collection "Vekhi" about the historical mission of Russian intellegentsia, its philosophical, religious, legal, moral culture are analyzed.

Keywords: Russia, history, intellegentsia, "Vekhi", N. A. Berdyaev, S. N. Bulgakov, M. O. Gershenzon, A. S. Izgoev, B. A. Kistyakovsky, P. B. Struve, S. L. Franc.

В начала XX в. внимание к феномену интеллигенции было обусловлено ростом ее влияния на социокультурное развитие общества и политические процессы в России. В философско-религиозных и либеральных кругах были созданы концепции интеллигенции, осмысливавшие ее природу, функции, черты деятельности. Интеллектуальный ресурс русской интеллигенции получил многостороннюю интерпретацию в текстах сборника «Вехи», изданного в 1909 г. «Веховская» концепция социального феномена интеллигенции была создана в рамках историко-теоретического подхода. Не останавливаясь на анализе текстов идеологов русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в., «веховцы» выявили общие основные черты их культуры, дали теоретический анализ их идейных установок и практики.

Интеллигенция рассматривалась «веховцами» в широком историко-культурном контексте с целью осмысления ее положения в обществе и влияния социума и государства на направления ее деятельности, роли в «возрождении» России. Назначение интеллигенции «веховцы» видели в развитии просвещения и с этой точки зрения оценивали ее реальную историческую деятельность. Поскольку в «петровской» России только интеллигенция была европейски образованным слоем, то лишь она, по мнению «веховцев» могла стать «проводником» просвещения в толщу стомиллионного народа [3, с. 25–26]. «Веховцы» признавали необходимость решения задачи просвещения России «под угрозой политической и национальной смерти» [3, с. 25–26]. Историческое призвание интеллигенции С. Н. Булгаков оценивал как «устрашающе огромное», следова-

тельно, она должна осознать свою ответственность за просвещение народа, духовное развитие общества. Обязанность интеллигенции просветить народ «веховцы» рассматривали как ее долг перед Россией. Они не видели в политической власти, оказывавшей «непрерывное беспощадное давление полицейского прессы», и обществе («русское общество... находится в ... духовном разброде, унынии») сил, способных отвечать за культурное возрождение России [3, с. 25–26].

«Веховство» представляло **интеллигенцию как идеологическую группировку, объединенную социальными догматами, «обязательным мирозерцанием», нетерпимую к другим воззрениям, со своей культурой поведения, этическими нормами.** Происхождение интеллигенции «веховцы» не связывали с профессиями, с доступом к высшему образованию, способом получения доходов, социальной средой. По их мнению, культурный слой общества второй половины XIX в. породил интеллигенцию, выработавшую свою систему социальных представлений. Образование интеллигенции произошло на идейной основе – комплексе социальных представлений. Позднее, развивая «веховскую» концепцию, Н. А. Бердяев определенно утверждал, что *идеология – главное объединяющее начало русской интеллигенции: «Интеллигенция всегда была увлечена какими-то идеями, преимущественно социальными, и отдавалась им беззаветно»* [2, с. 258].

«Веховцы», не желая, чтобы культурную элиту России идентифицировали с революционерами, использовали понятие **«интеллигентщины», «кружковой интеллигенции», «интеллигентской массы»** для характеристики *участников подпольных*

антиправительственных кружков [1, с. 1; 4, с. 80]. Слово «интеллигентщина», по мнению Н. А. Бердяева, имело «традиционно-русский смысл». В представлении «веховцев», «интеллигентщина» вела свое происхождение с 1860-х годов путем искусственного выделения из общенациональной жизни и создания своеобразного мировоззрения, деспотически навязывавшего «утилитарно-моральный критерий», идеи народолюбия, пролетаролюбия, поклонения «народу» [1, с. 2]. Доминировавшими моральными нормами в революционной среде, по мнению Н. А. Бердяева, были «любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу» [1, с. 8]. «Кружковая» интеллигенция культурно изолировала себя от общества, выработав свои социальные нормы и ценности.

«Веховцы» указывали на бытование в русском языке понятия «интеллигенции» и в «широком, общенациональном, общеисторическом смысле этого слова» [1, с. 8]. Контекст его использования «веховцами» позволяет предполагать, что они видели в истинной интеллигенции духовную элиту общества. Интеллигенция чужда «интеллигентщине», по мнению «веховцев», но в то же время авторы сборника широко использовали оба понятия в значении группы радикалов, участников революционного движения, не разграничивая эти термины. «Веховская» версия интеллигенции не раскрывала содержания этого понятия, его сущностные черты. Она была направлена на разрушение феномена «интеллигентщины», поскольку та отрицала самостоятельное значение духовных ценностей, интеллектуального творчества, науки, просвещения, подчиняя свою деятельность утилитарно-общественным целям, интересам партий и кружков [1, с. 2–3]. Интеллигенция в широком смысле создает духовную культуру нации, идеологии, в центр которых ставится творчество, знания и ценности [1, с. 3, 5]. По Н. А. Бердяеву, философское и культурное творчество для истинной интеллигенции имеет абсолютную ценность [1, с. 7]. Справедливо суждение современного исследователя А. А. Соловьева о том, что, в понимании «веховцев», «истинная» интеллигенция ставит духовные ценности выше материальных, а духовная жизнь для нее важнее внешних форм общежития [7, с. 68]. «Веховцы» отвергли применяемый марксистами классовый подход к оценке социально-политических и духовных отношений.

Принято считать, что споры о судьбе российской интеллигенции вспыхнули после издания «Вех». В действительности появление различных определений интеллигенции и формирование взглядов на ее предназначение относится ко второй половине XIX

в., а «веховская» концепция расширила проблематику дискуссии об интеллигенции, обострила споры о ее духовном складе, системе ценностей, задачах деятельности и ответственности за нее. «Веховцы» не уделили должного внимания разработке категориального аппарата, что привело к экстраполяции их оценок на всю российскую интеллигенцию, между тем как сами авторы сборника имели в виду лишь радикально настроенную интеллигенцию, создавшую подпольные организации.

«Веховские» традиции осмысления судьбы интеллигенции оказали многостороннее влияние на выработку теоретико-методологических подходов к анализу проблемы. «Веховцы» исходили из мысли, что деятельность личности, общества, государства определяется либо объективными ценностями – религиозными, нравственными, государственными, социальными, национальными, эстетическими, научными, служащими ее ориентирами, определяющими ее мотивы и цели, либо субъективными – личными потребностями – свои и чужие [9, с. 182].

«Веховская» концепция интеллигенции основана на признании веры и разума, любви к истине, к Богу, видении Божьего образа в каждом человеке, идее необходимости уважения абсолютного значения человека («это абсолютное значение основано на божеском, а не на человеческом, на истине, а не на интересе» [1, с. 9]), важности творчества, духовных ценностей («научной истины, нравственного совершенства, религиозной святости» [6, с. 125]), независимого научного знания, возвышающего над повседневными проблемами, просвещения, самоценности умственной жизни [1, с. 9], установления в государстве правопорядка («общество с развитым правовым порядком» [6, с. 125]), социальной дисциплины, определяемой правом, духовной свободы, возможной при осуществлении свободы внешней [6, с. 125–126]. Достоинство человека, рост его культуры можно обеспечить путем восприятия им универсального знания, любви к Богу, утверждали «веховцы». Направление развития общества определяет сознающая себя личность. Необходимо движение «к творческому личному самосознанию» [4, с. 92, 96]. В самосознании человека, сосредоточении его в самом себе М. О. Гершензон видел становление «собственной личности». Человек должен обладать свободой самореализации в соответствии с запросами и склонностями собственного духа. Самостоятельная личность способна нести ответственность за свой выбор [4, с. 94]. Сферой деятельности интеллигенции, утверждали «веховцы», является творчество новых ценностей, культуры религиозного гуманизма [9, с. 200, 209–210]. Духовное творчество влечет к «очеловечению мира, к обогащению своей

жизни ценностями науки, искусства, религии и морали» [9, с. 201].

Анализ «веховцами» духовного облика интеллигенции имел *исторический контекст*. Они выявили истоки формирования этой социальной группы и специфику «отпочкования» ее культуры от духовной жизни русского общества. Осмысление феномена интеллигенции включало в себя определение ее родовых черт, преемственности и различий в идейных позициях сменяющих друг друга поколений, кружков, организаций. Контекстом анализа «веховцами» духовной культуры русской интеллигенции стал цивилизационный процесс на Западе. «Веховство» отрицало возможность верного восприятия существенных качеств интеллигенции в рамках экономического материализма – марксизма, ставящего в центр социальной жизни общества «начала производства», организацию производительных сил, подчиняющего субъективные настроения социальных групп «объективному производственному началу» [1, с. 13].

«Веховцы» создали свою теоретическую основу характеристики интеллигенции, четко определив свои ценностные ориентиры, проблемное поле исследования, разработав свою *систему анализа* этого социального феномена. Проблематика «веховства» представлена такими вопросами, как объективные исторические условия становления интеллигенции, влияние политики самодержавия на выработку ее характера и определение задач деятельности, психологические особенности, духовные черты, смысл культуры этой социальной группы, ее отношение к истине, философии, религии, литературе, науке, морали, просвещению, праву, знаниям, европейским интеллектуальным течениям, государству, различным сторонам общественной жизни.

«Веховство» стимулировало развитие *самосознания интеллигенции*, анализ социально-нравственных ориентиров и целей ее деятельности. По мнению Н. А. Бердяева, самопознание возможно в лоне философских знаний и веры, культура интеллигенции должна иметь традиции универсальные и национальные. В его представлении, сфера деятельности интеллигенции – органический синтез теории и практики. Цель ее творчества – культурное возрождение России, возможное на почве политического освобождения, эмансипация мысли [1, с. 21–22]. Самопознание и самооценка – условие перевоспитания личности, полагал С. Н. Булгаков [3, с. 58–59].

Оригинальность «веховского» взгляда на русскую интеллигенцию проявилась в определении *спектра анализа* черт ее духовного склада, характера, культуры, социальной роли, деятельности. «Веховцы» оценивали интеллигенцию в ее отношении ко всем значимым *компонентам политической, со-*

циальной и культурной жизни, характеризуя ее включенность или враждебность разным системам, течениям, группам, идеологиям, одновременно прослеживая их взаимовлияние и отталкивание. Подобный подход позволил им выработать свое воззрение на интеллигенцию как продукт историко-культурного развития общества и государства и определить ее место во всех системах.

Понимая целостность духовного облика интеллигенции, «веховцы» использовали **метод абстракции, искусственного разделения мировоззрения на отдельные составляющие** – системы идей («живые системы», «организм»), подчеркивая их неразрывную связь [9, с. 177–178]. Самостоятельный теоретический анализ каждой из сторон мировоззрения и духовного облика интеллигенции неизбежно становился схематическим изображением, а не художественным образом [9, с. 178]. «Чистая» характеристика интеллигенции вне политической и социальной системы и объективных обстоятельств, полагал С. Л. Франк, невозможна, поскольку испытывает влияние всех этих факторов. Выделение в мировоззрении интеллигенции разных составляющих позволяет выявить ее существенные черты, писал мыслитель. «Чрезвычайно трудно распутать живой клубок духовной жизни и проследить сплетение образующих ее отдельных нитей – морально-философских мотивов и идей; здесь можно наперед рассчитывать на приблизительную точность. Но и несовершенная попытка анализа весьма важна и настоятельно необходима» [9, с. 178]. Следует «анатомировать» картину мира интеллигенции, выявить ее корни, настаивал С. Л. Франк. Как видим, «веховцы» понимали неизбежность *схематизации* изучаемого исторического явления.

«Веховцы» сравнили **«кружковую» и «истинную» интеллигенцию**, сопоставив ценностные основы, смысл их культуры, направления деятельности, положение в политическом и социальном поле.

В *политическом пространстве*, с точки зрения «веховцев», возник антагонизм между государством и интеллигенцией, свободолюбие которой не могло вызвать сочувствия со стороны самодержавия. «Кружковая» и «истинная» интеллигенция была гонима властью, не желавшей мириться с независимостью мысли.

Усиление деспотизма власти «веховцы» объясняли отсутствием в России социума с развитым национальным самосознанием, или хотя бы небольшого круга людей, способных противостоять всемогуществу государства [4, с. 90–93]. С. Л. Франк обвинял власть в «эгоизме, государственной близорукости, в пренебрежении к интересам народа» [9, с. 176]. Другой причиной враждебного отношения радикальной

интеллигенции к самодержавию «веховцы» считали ошибочность ее убеждения в «коренной зависимости добра и зла в человеке от внешних условий», то есть от государства [8, с. 162]. С точки зрения «веховцев», в начале XX века с распространением марксизма в России произошла политизация сознания интеллигенции, связывавшей свободу личности с конституцией, ограничением самодержавия. «Веховцы» оценивали концентрацию усилий интеллигенции в годы первой русской революции на борьбе с деспотизмом как ошибку – «гипноз общественного мнения». Социалистическая интеллигенция уверяла, что вся «тяжесть жизни происходит от политических причин: рухнет полицейский режим, и тотчас вместе со свободой воцарятся и здоровье и бодрость» [4, с. 90–91]. Политические радикалы за все ошибки, неурядицы, грязь винили самодержавие [4, с. 93]. Не отрицая значения революции для обеспечения правовой защищенности людей и свободы их самоопределения, «веховцы» доказывали, что проблемы общества решаются не только в ходе политической борьбы, но главным образом в процессе духовного становления личности.

Не все «веховцы» считали, что интеллигенция должна уйти из политики. П. Б. Струве видел в интеллигенции «идейно-политическую силу», роль которой в «государстве отсталом, лежавшем не так давно на крайней периферии европейской культуры», громадна в политическом развитии [8, с. 159, 160]. Участие в политической жизни, утверждал П. Б. Струве, предполагает развитие политического сознания, осмысления роли государства в судьбе страны, однако «наша радикальная интеллигенция совершенно отрицала воспитание в политике и ставила на его место возбуждение» масс, заняла позицию «отщепенства» от государства, проявив «мечтательность, неделовитость, легкомысленность в политике» [8, с. 164, 167, 169].

В *социальном пространстве «кружковая» интеллигенция идентифицировала себя как группу, ориентированную на служение народу*, она создала замкнутую среду, противопоставив себя обществу. Интеллигенция была отделена от народа, возникла пропасть между ними. Социальные интересы интеллигенции лежали вне ее самой [4, с. 70–71]. Особенностью самосознания русской интеллигенции стало представление о жизни для общества, а не для себя: «думать о своей личности – эгоизм, непристойность; настоящий человек лишь тот, кто думает об общественном, интересуется вопросами общественности, работает на пользу общую». Установка интеллигенции служить общественности была незыблемой, стала ее святым знаменем, личной верой, полагал М. О. Гершензон [4, с. 70–71]. Преувели-

ченный интерес образованной части общества к общественным вопросам он связывал с деспотизмом власти [4, с. 79]. Социалистическая интеллигенция увидела путь спасения своей души в борьбе с властью за интересы народа, посвятив свою жизнь общественному делу, отрекшись от личных чувств [4, с. 80–81]. Она направила свою энергию не на устройство своей личности, а на решение социальных задач, потеряв русло собственного развития. «*Истинная*» интеллигенция стремилась влиять на все социальные слои и группы, более широко определяя объект своей деятельности, акцентируя внимание на духовном творчестве, а не социальной и политической деятельности.

В *культурном пространстве «кружковая» интеллигенция осуществила отбор идей, санкционирующих ее общественно-политические идеалы* [1, с. 2], усвоила с легкостью догматы просветительства [3, с. 35]. *Видя главное предназначение интеллигенции в духовном творчестве, «веховцы» акцентировали внимание на основных компонентах ее знания или незнании интеллектуальных течений и различных отраслей науки.* «Веховцы» сопоставили восприятие «кружковой» и «истинной» интеллигенцией различных сфер духовного творчества.

Отношение «*кружковой*» интеллигенции к философии было малокультурным: отрицалось самостоятельное значение философии, которую она стремилась подчинить своим социальным целям [1, с. 2]. Особенностью ее философского образования Н. А. Бердяев считал увлеченность не теоретической философией, а осмыслением общественных проблем [1, с. 4]. Применение утилитарного критерия к отбору знаний (значимо только то, что может принести пользу народу) определило ее равнодушие к философским учениям, оставшимся для «интеллигентщины» закрытыми и непонятными [1, с. 2]. В философском и художественном творчестве она видела «измену народному благу» [1, с. 3]. «Отбор» «кружковой» интеллигенцией определенных идей был ее свободным делом, за это она ответственная перед родиной и историей» [3, с. 35]. Подлинная интеллигенция испытывала потребность в знании философии, позволявшей понять истину. В *утилитарную систему ценностей «кружковой» интеллигенции не входило научное знание*, она не стремилась к постижению истины. В отличие от нее *культурная элита* понимала святость знания, абсолютную ценность истины [1, с. 8]. «Интеллигентская масса» не испытывала потребности в изучении своей национальной мысли [4, с. 81].

В *отношении к религии «кружковая интеллигенция» демонстрировала индифферентизм, атеизм, принявший догматические, наукообразные формы,*

бравшийся на веру, вывернутую наизнанку [3, с. 30–31]. Религиозную веру она заменила верой в прогресс, не понимая исключительной важности религиозной проблемы, отличаясь поразительной невежественностью в религиозных вопросах, отмечали «веховцы». Она восприняла догматы религии «человекобожества». «Основным догматом, свойственным всем вариантам этой религии, является вера в естественное совершенствование человека, в бесконечный прогресс, осуществляемый силами человека, но, вместе с тем, механическое его понимание» [3, с. 36]. «Истинная» же интеллигенция, люди глубокой образованности, звали к «религиозному углублению» [3, с. 31–32]. Понятие религиозности, отмечал С. Франк, нельзя сводить к фанатизму, страстной преданности излюбленной идее. Он пояснял, что религия «всегда означает веру в реальность абсолютно-ценного, признание начала, в котором слиты воедино реальная сила бытия и идеальная правда духа. Религиозное умонастроение сводится именно к сознанию космического, сверхчеловеческого значения высших ценностей...» [9, с. 180]. Нигилистическое умонастроение «кружковой» интеллигенции отталкивает абсолютные ценности, в том числе и религиозные, констатировал С. Л. Франк.

«Веховцы» акцентировали внимание на ценностях интеллигенции, доказывая, что человеческая жизнь, деятельность определяется ценностями [9, с. 182]. Сопоставляя системы ценностей основных слоев интеллигенции, «веховцы» выявили различия в понимании ими смысла жизни личности, что предопределило расхождения в восприятии ими духовной и материальной культуры. Эта проблема рассматривалась всеми «веховцами», но наиболее полное изучение она получила в работах М. О. Гершензона и С. Л. Франка. Основной темой статьи С. Л. Франка, помещенной в «Вехах», стала критическая оценка нравственного мировоззрения интеллигенции [9, с. 177]. Он характеризовал мораль как «служебное средство» веры. Определенная система моральных норм, писал он, создается верой. Утилитарная вера, стремления которой не ориентированы на абсолютные ценности, а ее символом стало служение народу, породила *нигилистический морализм*, образующий сущность мировоззрения русских радикалов [9, с. 181–182]. Их целью являлись не идеалы, а само *служение «большинству»*, ставшее *высшей ценностью*. Другие ценности для социалистической интеллигенции были неприемлемы. Участники революционных кружков, объединенные целью служения народу, создали однородную *интеллигентскую массу*, фактически не признавая права личности на индивидуальное развитие, самоопределение, своеобразие: «Личностей не было – была од-

нородная масса, потому что каждая личность духовно оскотилась уже на школьной скамье... Формализм сознания – лучшее нивелирующее средство в мире... масса интеллигенции была безлична, со всеми свойствами стада: тупой косностью своего радикализма и фанатической нетерпимостью» [4, с. 81]. Революционная среда исключала условия для формирования независимой творческой личности, поскольку лицо, посвятившее себя служению народу, должно воспринимать определенные установки, не подлежащие критике. «Смысл жизни был заранее установлен общий для всех, без всяких индивидуальных различий» [4, с. 92]. Все идеи превращались в веру, поощрявшую «необузданный фанатизм» [4, с. 93].

«Кружковая» интеллигенция не знала «никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые», утверждал С. Л. Франк, характеризуя «морализм» радикалов – их «умонастроение» [9, с. 178]. Революционеры, считал он, не обратили внимания на теоретические, эстетические, религиозные ценности. Нравственные догмы радикальной интеллигенции С. Л. Франк оценивал как *«аморализм»*, тождественный *нигилизму*, отрицавшему абсолютные ценности [9, с. 181–182]. Основной чертой духовного облика, «физиономии» «кружковой» интеллигенции С. Л. Франк считал *«нигилистический морализм»*, обусловленный отрицанием объективных ценностей, из чего «вытекает обожествление субъективных интересов ближнего («народа»), отсюда следует признание, что высшая и единственная задача человека есть служение народу, а отсюда, в свою очередь, следует аскетическая ненависть ко всему, что препятствует или даже только не содействует осуществлению этой задачи. Жизнь не имеет никакого объективного, внутреннего смысла; единственное благо в ней есть материальная обеспеченность...; поэтому человек обязан посвятить все свои силы улучшению участи большинства, и все, что отвлекает его от этого, есть зло и должно быть беспощадно истреблено...» [9, с. 185]. Чертами духовного склада «кружковой» (народнической) интеллигенции С. Л. Франк считал *«нигилистический утилитаризм»*, *«морализм»*, *«противокультурную тенденцию»* – борьбу против культуры, культ «опрощения», стремление превратить всех людей в «рабочих», сократить и свести к минимуму высшие потребности во имя всеобщего равенства и солидарности в осуществлении моральных требований» [9, с. 185–186].

С. Л. Франк дал глубокий анализ нравственных и социальных установок социалистической интелли-

генции, объяснив логику ее мысли, исключавшей абсолютные ценности, в том числе свободу личности и творчества.

Прослеживая «соединительные нити» ее мысли, он пояснял, что этика социалистического народничества (нравственным долгом интеллигенции является служение народу, которому надо обеспечить абсолютное счастье) формировала убеждение, что «основным и внутренне необходимым средством к осуществлению морально-общественного идеала служит социальная борьба и насильственное разрушение существующих общественных форм». Причины, препятствующие устройению земного рая, лежат не внутри, а вне человека – в его социальной обстановке, в несовершенстве общественного механизма. «И так как причины эти внешние, то они и могут быть устранены внешним, механическим приемом». Устранение внешних препятствий приведет к естественному состоянию – гармоническому устройству жизни [9, с. 193–194]. Прогресс понимался революционными социалистами как разрушение, признаваемое одним из приемов творчества. Революционеры абсолютизировали ценность разрушения [9, с. 194–195]. «Механико-рационалистическая теория счастья» революционеров, предупреждал С. Л. Франк, крайне опасна, она может стать роковой для общества.

Культурная элита, яркими представителями которой были «веховцы», имела другую систему ценностей. Ее вера в абсолютные ценности порождала свою мораль. «Веховцы» признавали права личности на самосознание, «творческое созидание» [9, с. 195], самоопределение. Они ценили свободу, «душевное здоровье», «здоровую жизнь: свободу самоопределения и правовую обеспеченность» [4, с. 90]. Видели «веховцы» и высокую ценность «истины, красоты, Божества», знания, культуры [9, с. 179]. Человек сам должен определить для себя смысл и направление своей жизни и нести ответственность за все, что он делает, полагал И. О. Гершензон [4, с. 93]. Высшую цель человеческой деятельности С. Л. Франк видел в «воплощении в жизни идеальных ценностей», которое может быть обеспечено культурным творчеством [9, с. 186].

Решение *проблемы личности*, по мнению «веховцев», во многом определяло картину мира русской интеллигенции. Все группы интеллектуалов, полагали они, разрабатывали эту тему, создав свои «формулы личности». К сожалению, «веховцы» не уделили достаточного внимания анализу идей о развитии личности, предложенных ранее русскими мыслителями, выделив как наиболее значимые для революционной среды лишь учение П. Л. Лаврова о критически развитой личности и идейное течение,

стремившееся потопить индивида в общественных интересах [6, с. 132]. «Веховцы» признавали абсолютную ценность личности.

Деформация нравственных принципов «кружковой» массы, по мысли «веховцев», привела к «внутреннему распаду личности» революционера. Интеллигентская масса сняла всякую индивидуальную ответственность с отдельного человека [4, с. 93; 6, с. 133]. В *духовном облике* социалистической интеллигенции «веховцы» отмечали многочисленные *противоречия*: любовь к слабым, бедным, нищим телом и духом, стремление сделать их богатыми, с одной стороны, и ненависть ко всякому богатству, с другой; мечта дать власть народу и отношение к власти как злу; желание приобщить народ к просвещению и отношение к духовному богатству как роскоши; стремление к равенству в пользовании благами, а не к их обилию; отрицательное отношение к культуре, оправдание и укрепление варварства; существование вне подлинной исторической жизни; уединение в собственном мире и желание править всем миром, насадив в нем свою веру; обоснование примата силы над правом. Ее идеал чистой, невинной, простой, скромной, бедной жизни отличался от представлений о материально и духовно богатой жизни [9, с. 203–204, 206]. Эти противоречия мотивов, идей, образов, догматов революционной интеллигенции позволили С. Л. Франку оценить ее мораль как беспринципную, оценивающей все с точки зрения партийной пользы или партийного вреда. Содержание интеллигентской веры привело в социалистическое движение «субъективно чистых, бескорыстных и самоотверженных служителей».

Психологическим побуждением революционной интеллигенции стала ненависть к врагам народа [9, с. 195]. Ориентация на революционную борьбу препятствует социальному сотрудничеству, развитию науки, литературы, искусства, ведет к вырождению религии, нравственной гибели, она *всюду* вытесняет труд, творчество, созидание. С. Л. Франк доказывал несопадение *теоретических, нравственных, социально-политических, религиозных основ мировоззрения радикальной интеллигенции и культурной элиты*.

В *отношении к праву* проявилось непонимание «кружковой» интеллигенцией значения идей прав личности и правового государства [6, с. 130]. Причину ее равнодушия к правовым идеям Б. А. Кистяковский видел в *игнорировании правовых интересов личности*. Он доказывал, что вожди революционной интеллигенции не уяснили, что «свобода и неприкосновенность личности осуществимы только в конституционном государстве» [6, с. 133]. По мнению Б. А. Кистяковского, народническая интеллигенция не обратила внимания на правовую природу

конституционного государства. Смысл правового порядка он определял как «систему отношений, при которых все лица данного общества обладают наибольшей свободой деятельности и самоопределения» [6, с. 137]. Б. А. Кистяковский дал оценку правового сознания «кружковой» интеллигенции: «убожество», «низкий уровень», «отсутствие правового чувства», «полное непонимание значения юридической правды», «полное непонимание правотворческого процесса», «правосознание нашей интеллигенции находится... на стадии развития, соответствующей формам полицейской государственности», «во всех наших партиях отсутствует истинно живое и деятельное правосознание», «отсутствует и истинное понимание значения суда и уважение к нему» [6, с. 137, 141, 144, 153]. Б. А. Кистяковский интерпретировал отношение интеллигенции к трем основным видам права – правам личности, объективному правопорядку, суду. Его вывод: интеллигенция не осознала абсолютную ценность права. Задачу времени Б. А. Кистяковский видел в развитии правосознания русской интеллигенции.

Существенными *ошибками «кружковой» интеллигенции в области духовного творчества* «веховцы» считали ее ориентацию на готовые идеи, выработанные западными мыслителями, а также выборочный характер их заимствования, догматическое усвоение учений, созданных в других историко-культурных условиях. «Переживание» идей должно быть творческим процессом, ассимиляцией с другими элементами культуры, поскольку «нет единых и одних и тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и всех времен», объяснял Б. А. Кистяковский обязательность осмысленного восприятия идей «Другого» [6, с. 129–130].

Время появления русской интеллигенции как особой социальной группы «веховцами» определялось их представлениями о чертах ее культуры, духовной жизни, направленности деятельности. По мнению П. Б. Струве, выделение интеллигенции из образованного класса было обусловлено появлением интереса к социалистическим идеям [8, с. 159–160, 162, 163, 173].

Проблема роли интеллигенции в истории России – одна из ключевых в «веховской» концепции. Она была осмыслена ими с точки зрения особенности ее места в социокультурной системе и направления влияния на общество, определявшее меру ее ответственности за судьбу России. Это побуждало «веховцев» охарактеризовать ее духовный потенциал. Оценивая самоидентификацию «кружковой» интеллигенции, «веховцы» обратили внимание на ее «самообожение, психологию героев, готовых на лю-

бые жертвы с целью спасения народа» [3, с. 37–40]. Сами «веховцы» задачу интеллигенции определяли иначе – как формирование духовной культуры общества, духовное творчество.

Сопоставив культуру «кружковой» и «истинной» интеллигенции, «веховцы» пришли к мысли *об отсутствии «внутреннего сродства», «подпочвенного соприкосновения»* [3, с. 55].

«Веховцы» считали значимой *проблему критериев самооценки интеллигенции*. С их точки зрения, единственно возможными критериями служат «абсолютные нормы и ценности, которые... даются только в религии» [3, с. 50–51]. Развитая личность, воспитанная в религиозных традициях, сознает свое несовершенство. Она далека от самообожения, более критично и ответственно относится к своей деятельности, ее останавливает заповедь «не согреши». Направляя максимальные усилия на духовное совершенствование, личность стремится исполнить свой долг перед Богом, верно несет свой крест, считали «веховцы». «Кружковая» интеллигенция, поверившая в естественные добродетели человека от природы и видевшая зло лишь во внешних обстоятельствах, не имеет потребности в развитии культуры личности, полагал С. Н. Булгаков [3, с. 51–54].

Таким образом, «веховцы» выделили «культурный тип» русского интеллигента, имея в виду сознание представителя «кружковой», социалистической интеллигенции, определив комплекс его идей о государстве, народе, религии, философии, науке, морали, праве, культуре, политике.

«Веховцы» *духовное возрождение* понимали как «внутреннее обновление», «перерождение ткани духовного существа человека» [4, с. 70]. Духовное становление личности происходит в процессе самосознания – «естественном процессе в духовном организме человека» [4, с. 78]. Основным фактором, направляющим жизнь, должна быть мысль, подчиненная поиску истины [4, с. 80].

Раскол общества «веховцами» воспринимался как серьезная общенациональная проблема. Если в других странах существуют конфликты на социальной, материальной и политической основе, то в России была разрушена целостность культурного единства нации [3, с. 65]. Без преодоления культурного раскола нации невозможно ее духовное возрождение. «Веховцы» считали, что распад национального сообщества на образованный слой и народ может привести к роковым последствиям для России. Интеллигенция не знала народ, его душу, психику, воспринимая его только как малоразвитую, несведущую массу. А народ не только не понимал интеллигенцию, но и страстно ее ненавидел, потому что она образованнее, не работает физически, не имеет в

душе Бога, потому что своя – русская. «Что народная душа качественно другая – это нам и на ум не приходило... мы не могли понять, что душа народа – вовсе не *tabula rasa*, на которой без труда можно чертить письма высшей образованности... у него есть... известная совокупность незыблемых идей, верований, симпатий» [4, с. 85].

«Веховцы» акцентировали внимание на различиях в духовной культуре народа и интеллигенции, полагая, что приобщение крестьянской массы к образованию не позволит преодолеть раскол общества. Интеллигенция «выбивалась из сил, чтобы просветить народ, она засыпала его миллионами экземпляров популярно-научных книжек, учреждала для него библиотеки и читальни, издавала для него дешевые журналы, – и все без толку, потому что она не заботилась о том, чтобы приурочить весь этот материал к его уже готовым понятиям и объясняла ему частные вопросы без всякого отношения к его центральным убеждениям, которых она не только не знала, но даже не предполагала ни в нем, ни вообще в человеке» [4, с. 86]. По мнению М. О. Гершензона, путь преодоления раскола между народом и образованным слоем, предложенный славянофилами, мог привести к «дружному всенародному сотрудничеству», поскольку он предполагал поиск «закономерной последовательности», связывающей «смутное чувство народной массы» с «высшими проявлениями национального творчества», «народный быт» с «высшей образованностью» [4, с. 86–87]. Идеал взаимодействия «мысли необразованных» и «мысли образованных» М. О. Гершензон увидел в идее И. В. Киреевского: «Не сознанный мысль, выработанная историей» «восходит силою литературной деятельности по лестнице умственного развития от низших слоев общества до высших кругов его, от безотчетных влечений до последних ступеней сознания» [4, с. 87]. Национальное самосознание, по мысли М. О. Гершензона, является делом внутреннего самопознания, синтезирующего мысль народную и культурной элиты.

Анализ «веховцами» системы идей «кружковой» интеллигенции исключительно значим для исследования творчества Иванова-Разумника, принадлежавшего к кругу социалистов.

Дискуссия о судьбах русской интеллигенции, начавшаяся на рубеже XIX–XX вв. и выявившая различия в понимании интеллигенции как социокультурного феномена, показала необходимость теоретического осмысления особенностей этой социальной группы, ее генезиса, роли в истории развития общества, а также развенчания мифов об интеллигенции. В это время шло создание терминологического языка, методологических основ, проблематики

исследования интеллигенции, разрабатывались концепции ее формирования и деятельности. Очевидна необходимость диалога идей об интеллигенции, разработанных учеными разных исторических эпох, выявления теоретических основ, методики исследования, проблематики, концептуальных идей.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Философская истина и интеллигентская правда [Текст] / Н. А. Булгаков // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. – С. 1–22.
2. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма [Текст] / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Сочинения. – М.: Раритет, 1994. – С. 245–412.
3. Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество [Текст] / С. Н. Булгаков // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. – С. 23–69.
4. Гершензон, М. О. Творческое самосознание [Текст] / М. О. Гершензон // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. – С. 70–96.
5. Изгоев, А. С. Об интеллигентной молодежи [Текст] / А. С. Изгоев // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. – С. 97–124.
6. Кистьяковский, Б. А. В защиту права [Текст] / Б. А. Кистьяковский // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. – С. 125–155.
7. Соловьев, А. А. Провиденциальные страницы «вех» [Текст] / А. А. Соловьев // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность. – Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 2009. – С. 68–70.
8. Струве, П. Б. Интеллигенция и революция [Текст] / П. Б. Струве // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. – С. 156–174.
9. Франк, С. Л. Этика нигилизма [Текст] / С. Л. Франк // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. – С. 175–210.